

Когда Цзян Суйчжоу со свитой скрылись вдаль, во дворе воцарилась полная тишина. Хо Уцзю сел в постели, подтянул инвалидное кресло поближе и, опираясь на край кровати, рывком пересел в него. Он молча собрал волосы, ловко стянул их на затылке и посмотрел в окно. Солнце уже высоко поднялось.

Он всегда быстро приспосабливался. Когда-то в Янгуане он легко переносил пыльные бури севера и с наслаждением скакал по пустыне Гоби. Когда его отец поднял войска, он мгновенно привык к бесконечной войне и научился выбираться из гор трупов, ведя за собой солдат как достойный командир. Теперь он в кратчайшие сроки научился сосуществовать с парой совершенно бесполезных ног и понимать, как вести себя, оказавшись в одиночку во вражеском логове.

Солнце за окном поднималось всё выше. Свет падал на пол и сантиметр за сантиметром подползал к колесам кресла. В тот миг, когда сияние коснулось края кресла, раздался стук в дверь. Хо Уцзю посмотрел на дверь, и его взгляд незаметно стал тяжелым. Он знал: если он хочет получить ответы, сейчас — самый подходящий момент.

Цзян Суйчжоу, разумеется, и не подозревал, какие непристойные мысли роятся в голове Мэн Цяньшаня. Он закрыл глаза; спать не хотелось, и он сосредоточился на предстоящем собрании.

На Большом собрании не только чиновники приветствуют императора, но и обсуждаются государственные дела. Впрочем... зная по учебникам «профессиональный уровень» последнего императора Южной Цзин, можно было догадаться, что ничего путного там не обсуждают.

Но больше всего Цзян Суйчжоу беспокоил его собственный статус. Ведь о принце Цзине, в которого он воплотился, в летописях сохранилось катастрофически мало сведений. Единственный выживший брат императора, хилый болезненный юноша, рано ушедший из жизни. Теперь к этому списку можно добавить еще один пункт: любитель мужчин.

В голове была практически пустота. Он даже не знал, какую должность занимает сейчас, не говоря уже о том, каких людей знал прежний владелец тела, в каких отношениях с ними состоял и как себя с ними вести.

Еще больше беспокоило то, что только вчера он ввел в свой дом прославленного на весь мир генерала Хо — и сегодня наверняка станет мишенью для всех нападок.

Как оказалось, его опасения были абсолютно точными.

Незнание своей должности было поправимым делом: едва надев чиновничье одеяние, Цзян Суйчжоу по знакам различия понял, какой у него ранг. А когда Мэн Цяньшань подал ему я-ху (табличку из слоновой кости для записей), он догадался, в каком именно ряду ему надлежит стоять во время аудиенции.

Специфика его профессии в современном мире дала ему здесь определенное преимущество. Однако никакое образование не могло подготовить его к тому, как выносить на себе косые взгляды сотен гражданских и военных чинов.

С того момента, как он вышел из паланкина и прошел через ворота Кайян, со всех сторон на него посыпались оценивающие взоры. Если бы смотрели двое-трое — полбеда, но на него пялился едва ли не каждый встречный, отчего Цзян Суйчжоу чувствовал себя так, словно его спину покалывают иглами.

В этих взглядах читалось всё: злорадство, отвращение, пренебрежение, а у некоторых — глубокая скорбь и невысказанный упрек.

Один особо дерзкий чиновник даже притерся к нему плечом и, ухмыляясь, прошептал:

— Должно быть, принц Цзин вчера изрядно утомился? Какое редкое любовное счастье вам привалило, воистину редкое!

Судя по облачению — чиновник третьего ранга, не самая крупная сошка. Хоть сам Цзян Суйчжоу и занимал в министерстве лишь номинальную, пустую должность, он всё же был принцем первого ранга. Раз этот человек осмелился на столь ядовитую фамильярность, значит, за его спиной стоял кто-то могущественный.

«Тот самый великий предатель Пан Шао, о котором трубят все учебники истории, ведь живет в эту эпоху, верно?» — подумал Цзян Суйчжоу.

Он лишь холодно взглянул на наглеца, не удостоив его ответом. Его ледяной, высокомерный взор всегда обладал сокрушительной силой, а теперь в нем сквозило еще и явное предупреждение. Чиновник мгновенно оторопел, и его сальная, злорадная ухмылка неловко сползла с лица.

Цзян Суйчжоу, не оборачиваясь, ускорил шаг. Эта выходка охладила пыл остальных, и вторую половину пути до дворца он проделал в относительном покое. Это позволило ему немного осмотреться.

До бегства на юг столицей империи Цзин был город Ечэн. Три года назад Хо Уцзю во главе армии Лян взял столицу штурмом. Предыдущий император, Цзин Лин-ди, в спешке бежал на юг вместе с семьей и свитой, но скончался в пути. Нынешний правитель, Цзян Шуньхэн, обосновался в Юйхане, переименовав его в Линьань — так появилась новая столица.

За эти три года дворец успели отгрохать в невероятной спешке. Строительство было грубым, планировка — хаотичной; всё кричало о суматохе. В хрониках сказано, что император, прибыв в Линьань, наотрез отказался считаться правителем, пока у него не будет дворца, чем вынудил подданных воздвигнуть императорский город всего за полгода.

Несмотря на небрежность исполнения, затраты были колоссальными. Повсюду сверкало золото и лазурь, роскошь доходила до абсурда — было видно, что на это ушли горы серебра.

«Летописи ничуть не преувеличивали безумства этого правителя», — горько отметил про себя Цзян Суйчжоу.

Поднявшись по длинной лестнице из белого мрамора к залу Гуаньюань, он увидел, что внутри уже собралось немало придворных. Поскольку в университете он изучал исторические материалы до мельчайших деталей, найти свое место не составило труда.

Наискосок перед ним стоял старый сановник лет шестидесяти. Судя по одеянию — чиновник второго ранга, на целую ступень выше самого Цзян Суйчжоу. Увидев принца, старик обернулся и кивнул в знак приветствия.

— Принц Цзин сегодня пришел рано, — негромко произнес он с легкой улыбкой.

Когда старик повернулся, Цзян Суйчжоу успел разглядеть надпись на его табличке: Министр ритуалов Цзи Ю. Его непосредственный начальник. Взгляд министра был отстраненным, но

вежливым; судя по всему, они не были близки.

Цзян Суйчжоу кивнул в ответ и пожелал доброго утра.

Цзи Ю огляделся — вокруг было тихо — и вполголоса добавил:

— Ваше Высочество, примите это унижение как неизбежность. Потерпите, и оно пройдет.

С этими словами он сочувственно кивнул и отвернулся.

Цзян Суйчжоу не совсем понял, что тот имел в виду, но согласно кивнул, заканчивая разговор. ...Впрочем, очень скоро смысл слов Цзи Ю стал предельно ясен.

Пробил час. Яркое утреннее солнце позолотило черепицу крыш. У входа в зал забили барабаны, а следом раздался зычный голос евнуха, возвещающий о прибытии государя.

Явился величайший в истории самодур и никчемный правитель — последний император Южной Цзин, Цзин Ю-ди, Цзян Шуньхэн.

За тысячи лет истории лишь немногим правителям «посчастливилось» получить посмертный титул «Ю» (мрачный, скрытый). Ведь обычно у монархов есть и заслуги, и промахи, и нужно быть по-настоящему ничтожным, чтобы потомки ткнули в тебя пальцем и дали такое позорное имя. Цзян Шуньхэн и его отец (получивший имя «Лин» — призрачный) умудрились занять сразу два «почетных» места.

Цзян Суйчжоу вместе со всеми совершил поклон и поднял взгляд на трон. Там восседал одутловатый толстяк лет тридцати. Огромный черный халат с двенадцатью императорскими узорами сидел на нем вкривь и вкось. Император развалился на сиденье, отчего подвески на его короне качались и звенели.

Не успел Цзян Суйчжоу рассмотреть его получше, как их взгляды встретились. Поросячьи глазки толстяка обшарили ряды чиновников и безошибочно впились в принца Цзина. Лицо императора озарилось недобрым, но крайне довольным сиянием.

Сердце Цзян Суйчжоу екнуло.

В следующую секунду император заговорил:

— Пятый брат! Наложница-красавица, которую я тебе пожаловал... хорошо ли ты провел с ней вчерашнюю ночь?

Он произнес это так нараспев и с такой издевкой, что половина зала разразилась смешком. Атмосфера в священном месте, где должны были решаться судьбы страны, мгновенно превратилась в балаган.

Цзян Суйчжоу стиснул зубы. «Раз в пять дней вы собираетесь здесь не для дел, а ради этой клоунады... Неудивительно, что история называет тебя ничтожеством, и неудивительно, что твоя империя обречена».

Впрочем, в этой фразе он уловил важный подтекст. Император пришел с явным намерением поиздеваться; чиновники либо поддакивали, либо молчали с кислыми лицами. Очевидно, принца Цзина при дворе не жаловали, а эта «свадьба» была ударом по обоим — и по принцу, и по пленному генералу.

Значит, ему нельзя показывать радость.

С этой мыслью Цзян Суйчжоу сжал челюсти и изобразил на лице глубокое унижение, будто ему было больно даже вспоминать о вчерашнем:

— Благодарю императорского брата за милость.

Император расхохотался.

— Не стоит благодарности! О, я слышал, ты вчера ни разу не вышел из его комнаты до самого утра?

Цзян Суйчжоу: «...» Этот дурак не унимался.

Как он и ожидал, в его поместье полно шпионов. Более того, император даже не пытался это скрывать.

«Должно быть, не потому, что он такой честный, а потому, что у него просто нет мозгов», — подумал Цзян Суйчжоу. Вслух же он ничего не сказал, лишь изобразив крайнюю неловкость.

Видя его реакцию, император вошел в раж:

— А едва рассвело — уже и лекаря позвали? Пятый брат, береги себя! С твоим-то врожденным слабым здоровьем разве можно так изводить организм?

С этими словами он обратился к кому-то в первом ряду:

— Дядюшка, вы только посмотрите! Мой пятый брат бледнее смерти, я даже издалека вижу синяки под его глазами! Вчерашняя ночь определенно была бурной, ха-ха-ха!

Судя по обращению, чиновник, к которому он взывал, был Пан Шао. Брат вдовствующей императрицы Пан, занимавший пост Великого Ситу. Историки писали, что при жизни предыдущего императора он еще сдерживался, но, возведя Цзян Шуньхэна на трон, окончательно распоясался: греб под себя власть и деньги, а императора лишь всячески ублажал и потакал его глупостям.

Пан Шао действительно был любимцем императора. В ответ на шутку племянника из первых рядов раздался тихий, вкрадчивый смешок. Никаких попыток остановить государя или напомнить о приличиях. Цзян Суйчжоу даже почуял в этом смехе истинное удовольствие.

Картина прояснялась. Оказывается, не только дома у него сидит «предок», который рано или поздно его прикончит, но и при дворе его положение было хуже некуда.

Цзян Суйчжоу стоял и молча сносил насмешки, время от времени коротко отвечая. Император возбуждался всё больше — было видно, что он потратил весь свой скудный запас извинин, придумывая этот «гениальный» брак, и жил ради этого триумфа.

Цзян Суйчжоу не спорил, позволяя ему бесноваться. Внезапно из первого ряда донеслось легкое, едва заметное покашливание. Император тут же замолк и посмотрел в ту сторону. Его лицо осветилось пониманием, и он снова расхохотался.

— Пятый брат, я тут кое-что придумал вчера, — заявил он.

Цзян Суйчжоу поднял голову и увидел, как император, сощулив пороссячьи глазки, смотрит на

него с мерзкой ухмылкой.

— Отец твоей «госпожи Хо» когда-то ведь был нашим маркизом Динбэй, верно? Теперь, по иронии судьбы, мы снова стали одной семьей. Нашу империю Цзин можно считать родным домом госпожи Хо, — изрек он. — А раз так, обычай возвращения невесты в родительский дом на третий день нарушать нельзя. Я распоряжаюсь так: через три дня ты привезешь госпожу Хо во дворец на «поклон родне». Как тебе идея?

<http://bllate.org/book/16965/1577741>